

ЖАНР ПРИВЕТСТВЕННОЙ РЕЧИ В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

Сомов Сергей Эдуардович

доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова»;
кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Республика Беларусь)

В статье анализируется содержание и жанровое оформление приветственных слов Георгия Конисского, архиепископа Могилевского и Белорусского (1717–1795), обращенных к монаршим особам: королю Речи Посполитой Станиславу Понятовскому и Российской императрице Екатерине второй. Помимо рассмотрения традиционных этикетных форм придворного обращения к императорским особам, акцент делается на оригинальной образной, художественной составляющей ораторских произведений белорусского просветителя.

Белорусский архиепископ Георгий Конисский был известен современникам и потомкам как один из выдающихся ораторов эпохи Просвещения. Не случайно, в XIX веке его называли «русским Масийоном» или «русским Боссюэтом», сравнивая с известными ораторами-проповедниками Франции того времени. Во многом авторитет Георгия как оратора возник и закрепился в Российской империи не в связи с его многолетней архипастырской проповеднической деятельностью (в его ораторском наследии доминируют церковные проповеди по сравнению со «Словами на праздники церковно-гражданские» и «На особенные случаи»), а благодаря нескольким сохранившимся речам, обращенным к монархам.

Просветитель в силу своей высокой образованности (он – профессор риторики, философии и богословия, бывший ректор Киево-Могилянской академии, знаток иностранных языков) и активной жизненной позиции (самоотверженный защитник свободы совести для гонимых в Речи Посполитой верующих, фактически глава диссидентского движения) был вовлечен в эпохальные международные политические процессы, не раз встречался с российской императрицей Екатериной второй, а также с польским королем Станиславом Понятовским, германским императором Иосифом, влиятельными высокопоставленными сановниками в России и в Польше. Часть его официальных речей позднее была опубликована в двухтомном собрании сочинений (1835 и 1861), в сборнике слов и речей (1892) и в некоторых российских риториках XIX века [См. 1].

Приветственный элемент присутствует во всех речах Конисского, поскольку их основному содержанию предшествует обязательное этикетное обращение к властителю, от воли которого непосредственно зависит решение судьбоносных проблем. Чаще всего, опять-таки этикетно, приветствие представляет собой риторически украшенное выражение (иногда даже в форме риторической тирады), призванное определенным образом настроить слушателя, показать ему верноподданническую позицию говорящего и, по-возможности, убедить в искренности восхищения его небывалыми достоинствами, ставящими монарха превыше всех других людей не только в социальном (это очевидно), но в духовно-мистическом отношении. Для Георгия как православного церковного деятеля XVIII века императорская власть богодухновенна и призвана напрямую реализовывать «небесное в земном». В этом он абсолютно убежден, что доказывают все его произведения, в которых речь идет о монархии.

Действительно, Конисский обращается к монархам с исключительным уважением и священным трепетом. Особняком в этом отношении стоит только «Речь Польскому Королю Станиславу Августу, произнесенная в Варшаве» 16 июля 1785 года [1, с. 84–87]. В ней перед Понятовским Конисский не стал рассу-

паться в панегирических приветствиях как в силу проблемного содержания речи, основная тема которой – жестокие гонения на православных со стороны католиков, так и в силу понимания политической слабости все еще его короля, но уже непреодолимо зависимого от российской императрицы. Поэтому в начале речи Белорусский архиепископ ограничился краткой этикетной формулой «Пресветлейший Король! Всемилостивейший Государь!», а в конце своего выступления прямо указал монарху на волю российского самодержавия, проигнорировать которую слабая польская власть уже не могла, даже если бы очень хотела: «Впрочем, – заключает Георгий, – сие наше дело Вашему Королевскому Величеству препоручает Пресветлейшая Императрица Всероссийская, яко единственная Покровительница Веры нашей в Высочайшей Своей Грамоте, которую Вашему Величеству с благоговением подношу» [1, с. 87. Далее цитаты в грамматике оригинала].

Это обращение нельзя назвать дерзостным, поскольку Конисский вполне остается в рамках придворного этикета, но он как талантливый политик уже понимал изменившуюся расстановку сил в Европе. Более того, за два года до встречи с королем, 29 сентября 1762 г., при первой аудиенции у Екатерины в Москве, в первых строках «Речи Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Екатерине II, произнесенной по совершению священного Ея Величества коронования», он назвал белорусов подданными Российской империи, тогда как вся территория белорусских земель находилась под властью другого государства: «Всепресветлейшая Императрица! Между подданными народами Вашего Императорского Величества, о всерадостнейшей коронации торжествующими, приносит и Белорусский народ, чрез меня, подданника Вашего Величества, всеподданнейшее поздравление» [1, с. 82–83].

В самой речи Конисский сочетает выразительное описание мучений православных белорусов под игом католической Польши с прославлением необычайных духовно-религиозных достоинств императрицы, во власти которой изменить положение «единоверных» в Речи Посполитой: «Не касаюсь я ныне присноцветущих Вашего Величества добродетелей, веры твердой, огненной ревности, любви к Богу и ближнему пречувствительной: я теперь говорю, как и целый свет говорит, о делах, о принесенных уже Вашим Величеством созрелых плодах. Тобою, Благочестивейшая Государыня, светильник Веры в России стал утвержен. Тобою храмы Господни и красоты гусли своя со псалтырию удержали. Тобою благочестивые и верные подданные Твои в честь и достоинство приведены» [3, с. 83].

В чистом виде приветственной речью является обращение Конисского к Екатерине 1787 года. Их последняя встреча произошла в Мстиславле, когда императрица посетила белорусские земли во время своего вояжа по империи. К слову, именно благодаря этой речи слава Георгия как оратора была закреплена в российских риториках последующего времени (на это обстоятельство в 1836 году указал А.С. Пушкин в обширной рецензии на выход первого собрания сочинений Конисского в Петербурге [См. 2, с. 83]). «Речь Государыне Императрице Екатерине II-й, произнесенная при встрече Ея Величества в городе Мстиславле, во время Ея путешествия по Империи» отличается от всех других речей Конисского лаконизмом и восторженностью тона.

Сообразно обстоятельствам путевого приветствия, речь действительно мала – 18 строк. Но в них оратору удалось создать выразительный образ владычицы, источающей свет. В отличие от традиционных для слов Конисского сравнений Екатерины как освободительницы единоверных с императором Константином или апостолом Павлом, теперь он сравнил ее с солнцем. Оставляя доказывать астрономам, что «земля вокруг солнца обращается», оратор здесь утверждает, что «Солнце» подданных русского престола ходит вокруг них, согревая каждого своим теплом [3, с. 242].

Сравнение с солнцем носит универсальный характер. Оно устанавливает не только прямую метонимическую связь со значимым объектом реальности, но вызывает целую цепь ассоциаций духовно-религиозного смысла. Такое сравнение опять-таки указывает на богодухновенность владычества Екатерины. Еще в язычестве солнце напрямую соотносилось с фигурами Дажьбога и Хорса, а в период христианства почитание светила непосредственно перешло на образ Христа – Солнца Правды, Солнца Истины – которого, однако, веками двоеверно живущие

славяне все также в буквальном смысле ожидали грядущим с Востока (ср. возглас на всеобщем бдении «Слава Тебе, Показавшему нам свет», обращенный на восток).

Екатерина как владычица высшего порядка в слове Георгия весильна, а власть ее всеобъемлюща: «всяк под виноградом своим и под смоковницею своею» устремляет очи ввысь, к небу, к солнцу, как и к Богу. Символика виноградника и смоковницы также амбивалентна. Она связана с традиционным для христианства библейским по происхождению именованьем народа божьего «виноградом», насажденным десницею Всевышнего, и с устойчивым античным символом изобилия и радости. Венчает речь патетическое обращение к императрице с призывом течь «исполиными стопами во всех... благонамерениях», оставаясь по-прежнему воительницей, «торжественно» побеждающей «противная».

Фактически все ожидания Георгия, которые он возлагал на монаршую волю, исполнились при его жизни полностью: после раздела Речи Посполитой 1772 года была образована отдельная Могилевская епархия, в которой Конисский благополучно трудился до конца своих дней; православные, соответственно, не только были защищены в своих религиозных правах, но стали частью имперской церкви и активно возвращали отнятые некогда храмы, монастыри и земли; в течение трех первых лет после разрешения униатам переходить в православие к Русской церкви Георгием было присоединено более 112 тыс. жителей; процесс этот продолжался и в последующем. Даже не встречаясь с императрицей Екатериной лично и не произнося приветственных слов, Конисский ежегодно в Могилеве посвящал ей слова «На дни царские», т.е. на дни ее рождения, именин или восшествия на престол, в которых развивал тему исключительных достоинств монархини-освободительницы.

Поэтому мы можем утверждать, что риторическая выразительность и художественная яркость приветственной речи Георгия Конисского к Екатерине второй, равно как и восторженный характер его обращений к ней в речах и проповедях, связаны не только с формальным придворным этикетом общения с монаршей особой или с корыстным стремлением получить от нее желаемое, но и с вполне искренним, религиозным по своей сути, восприятием императрицы как существа высшего порядка, убежденностью в ее исключительной роли освобождения православных белорусов от длительного ограничения свободы совести в Польше. Это было для архиепископа важнейшим делом в жизни, которое он сумел свершить, результативно используя динамично изменяющиеся политические обстоятельства своего времени.

Список использованной литературы

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и Литография Я. Н. Подземского, 1892. – 469 с.
2. Пушкин, А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. – М. : Художественная литература, 1976. – 508 с.